

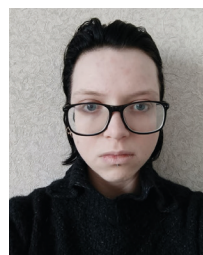

Религиоведение. 2025. № 3. С. 19–27.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 3. P. 19–27.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-3-19-27

Гриднева М.В.

*Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; Высшая школа экономики
115035, Россия, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
eugen.grandet@yandex.ru*

Церковно-политический контекст участия делегации РумПЦ на Всеправославном совещании в Москве

Аннотация. В данной статье рассматривается контекст участия румынской делегации во Всеправославном совещании в Москве 1948 г. Автор исследует церковно-политическую обстановку в Румынии того периода и обстоятельства, в которых оказались православные и представители иных конфессий в этой стране. В фокус исследования попадают гонения на греко-католиков Трансильвании и на православных священников, а также то, каким образом на них реагировала РумПЦ. В качестве ещё одного негативного явления исследуемого периода отмечается фактический запрет религиозного образования, введённый после принятия Конституции 13 апреля 1948 г. В связи с участием Румынии на Всеправославном совещании рассматривается личность патриарха Юстиниана (Марины), который был избран в том же 1948 г., и его учение – социальное апостольство. Критикуется точка зрения о несамостоятельности патриарха и обусловленности его деяний давлением извне (Москва или коммунистическое правительство Румынии). Приводится характеристика программы социального апостольства. Автор полагает, что патриарх действовал, в первую очередь, исходя из собственной политико-богословской установки, представлявшей собой развитие идей епископа Рымницкого и Ново-Северинского В. Стэнеску, ученика Э. Дюргейма. Основываясь на данных, касающихся положения РумПЦ в 1948 г., и материалах, связанных с деятельностью патриарха Юстиниана, автор делает вывод о том, что в рамках Всеправославного совещания делегация РумПЦ действовала исходя из сложившейся в Румынии обстановки и в своих собственных интересах.

Ключевые слова: Всеправославное совещание, патриарх Юстиниан, Румыния, Румынская православная церковь, социальное апостольство, социальное христианство

Maria V. Gridneva

*Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies; Higher School of Economics
build. 1, 4/2 Pyatnitskaya Str., Moscow, 115035, Russia; 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
eugen.grandet@yandex.ru*

The Church-Political Context of RomOC's Participation in the Pan-Orthodox Meeting

Abstract. This article researches the context of the Romanian delegation's participation in the Pan-Orthodox Conference in Moscow in 1948. The author examines the church and political situation in Romania at that time and the circumstances in which Orthodox and non-Orthodox believers found themselves in this country. The research focuses on the persecution of Transylvanian Greek Catholics and Orthodox priests, as well as the reaction of RomOC to them. Other important negative phenomena from that period include the actual prohibition of religious education introduced after the adoption of the April 13 Constitution in 1947. In connection with Romania's participation at the Pan-orthodox conference, the personality of Patriarch Justinian Marina, who was elected the same year, and his teachings, social apostolic work, are considered. The point of view on the patriarch's lack of independence and the conditioning of his actions by external pressure (Moscow or the Communist government of Romania) is criticized. The description of the social apostle program is given. The author believes that the Patriarch acted, primarily based on his theological attitude, which developed the ideas of Bartolomeu Stănescu, Bishop of Râmnic-Noul Severin, the disciple of E. Durkheim. Guided by the data on the situation in RomOC in 1948, and the materials related to the activities of Patriarch Justinian, the author concludes that, within the framework of the Pan-Orthodox Meeting, the delegation of the RomOC acted basing on the prevailing situation in Romania and in its own interests.

Key words: Pan-Orthodox Conference, Patriarch Justinian, Romania, Romanian Orthodox Church, social apostolate, social Christianity

Введение

Всеpravославное совещание 1948 г. в Москве, приуроченное к празднованию 500-летия автокефалии РПЦ, было значимым событием в церковной истории. В какой-то момент его планировали как Вселенский собор, где должно было обсуждаться будущее православия [См.: Волокитина, Мурашко, Носкова, 2008, 93–104; Волокитина, 2018, 339–360; Монгуш 2021, 94–102]. Хотя этот слишком смелый замысел отвергли, на Совещание приехали делегации почти всех Православных церквей (кроме Иерусалимской и Кипрской), а также делегация Армянской церкви, которую возглавил Католикос Георг VI. Важнейшими вопросами, рассматривавшимися в рамках Совещания, были: отношение к Ватикану и католицизму, отношение к англиканству, возможность участия в экуменическом движении и проблема календаря. По сути, все они касались экуменической проблемы, возможностей и препятствий к включению в него православия и других форм взаимодействия с инославными.

Принципиальной позицией РПЦ было отвержение любых проявлений экуменизма. Точки зрения других Поместных церквей в основном были схожими, но мнения двух церквей, Болгарской и Румынской, вызывали в Москве тревогу. Эта тревога была оправдана тем более, что доклады по четырём основным темам Совещания представили исключительно Русская, Румынская и Болгарская церкви [Деяния, 1949, Т. I, 87–88]. Проблема отношения БПЦ к экуменическому движению посвящены две обстоятельные статьи [Костюков, 2017, 52–60; Елисей (Меняйлов), 2017, 147–168], в которых рассматривается богословско-политический фон послевоенной Болгарии. Позиция же Румынской церкви по этому вопросу изучена гораздо хуже и нуждается в прояснении. Интересно отметить, что в сборнике материалов по миссионерской деятельности РумПЦ в контексте экуменического движения о докладе И. Комана, представленном на Всеpravославном совещании, сказано, со ссылкой на известного богослова И. Бриа, что это был «первый раз, когда на межправославном совещании утверждалось, что центральная проблема экуменизма – экклезиология, что объединение Православных Церквей с Древневосточными представляется делом возможным и неотложным» [Elemente de istorie, 2006, 75]. Однако сразу за этим утверждением составители сборника сделали оговорку – такая позиция не была общей для всего румынского православия. Некоторым же она казалась настолько неприемлемой, что в 1949 г. в журнале «Ortodoxia» этот доклад представили как абсолютно антиэкуменический, прибегнув даже к искажению исходного текста [Ibid., 79].

Делегация Румынской православной церкви на Всеpravославном совещании

Румынскую делегацию на Всеpravославном совещании возглавлял патриарх Юстиниан (Марина), и в неё входили: архиепископ Крайовский Фирмилиан (Марин); Анфим (Ангелеску), епископ Буззуской и Вранчской епархии; Николаэ (Колан), епископ Вадской, Фелякской и Клужской епархии; протоиерей Петре Винтилеску, доктор богословия, декан богословского факультета университета Бухареста. Протоиерей Симион Няга был переводчиком делегации, и сын патриарха Юстиниана Овидиу Марина – секретарём. Делегация представила четыре доклада, два из них, зачитанные 10 июля, об англиканской иерархии [Деяния, 1949, Т. I, 315–341] и о церковном календаре [Там же, 432–441], представил П. Винтилеску. Автором озвученного в тот же день доклада об экуменизме [Деяния, 1949, Т. II, 3–70] был отсутствовавший на Совещании профессор протоиерей И. Коман, а заслушанный 9 июля доклад об отношении Ватикана к православию [Деяния, 1949, Т. I, 221–291] написал доктор богословия Феодор Попеску, также оставшийся в Румынии.

П. Винтилеску – один из известнейших литургистов Румынии, изложение библиографии которого заняло у исследователя В. Костана 29 страниц [Costan, 2020, 75–104]. В 1935 г. он участвовал в Румынской православно-англиканской конференции в Бухаресте, что позволило ему подготовить доклад о действительности англиканской хиротонии. По его мнению, этот вопрос важен и опасен, т.к. связан с проблемой взаимоотношения в таинствах, которое в случае с англиканами для православных «является принципиально невозможным» [Деяния, 1949, Т. I, 319]. Ориентируясь на материалы конференции 1935 г. и заседания Св. Синода в 1936 г., он сделал вывод,

что из-за проблем догматического характера (о признании священства таинством и т.д.) англиканские рукоположения возможно признавать только в отдельных случаях после тщательного рассмотрения [Там же, 338]. Кроме того, в чрезвычайных ситуациях православный священник вправе отпевать англикан [Там же, 340]. Однако такие решения способен принять только Собор православных церквей, и пока Поместная церковь может лишь принять к сведению готовность части англикан прийти к согласию с православными [Там же, 332]. Хотя докладчики, высказавшиеся по поводу англиканских хиротоний, не были единодушны в деталях (например, относительно законности рукоположения М. Паркера), их окончательные выводы оказались одинаковы и были отражены в резолюции [Деяния, 1949, Т. II, 430–432].

Во втором докладе П. Винтилеску предложил принять новый календарный стиль как более точный. Он вновь оговорился, что такое решение без согласия всей полноты Церкви, даже если речь о дате празднования Пасхи, не будет иметь «почти никакого значения с религиозной точки зрения» [Там же, 441]. П. Винтилеску оказался единственным на Совещании, призывавшим принять реформу календаря. Так, представитель БПЦ высказался резко против неё [Там же, 416–432], а представитель РПЦ, осудив реформу, предложил своеобразный компромисс (позже принятый в резолюции): все Православные церкви должны отмечать Пасху одновременно по старому стилю, но неподвижные праздники каждая может отмечать согласно принятому в ней летосчислению [Там же, 399].

В докладе Ф. Попеску о католичестве прослеживаются четыре ключевые темы: описание любой, в т. ч. гуманитарной деятельности Ватикана как направленной на достижение «неограниченной власти Римского первосвященника» [Деяния, 1949, Т. I, 273]; изображение униатов как опасного инструмента Ватикана, который «оскорбляет даже национальное и христианское чувство православных» [Там же, 270]; противопоставление католической миссии и экуменического движения, как более приемлемого для православных типа взаимодействия с инославными, нежели уния; акцент на важности РПЦ в деле сохранения и укрепления православного единства. Все эти темы звучали и в других докладах по этому вопросу, но только представитель РумПЦ назвал экуменизм альтернативой унии. В этом смысле его позиция действительно была уникальной и противоречила резолюции Совещания по экуменизму [Деяния, 1949, Т. II, 434–436].

Поэтому мнению Ф. Попеску интересно сравнить с тем, как экуменизм представил на Всеправославном совещании протоиерей И. Коман, которого современный исследователь М. Дору назвал «одним из пионеров экуменического движения в Румынии» [Doru, 2022, 81]. Начав с того, что экуменическая идея «является своего рода <...> наивысшим успехом и для самого христианства» [Деяния, 1949, Т. II, 6], он продолжил тем, что, из-за сильной разницы в догматике и давления на православных со стороны протестантов «перспективы соглашения стали весьма мрачными» [Там же, 19] и завершил тем, что Православным церквям необходимо как можно скорее сплотиться, представляя собой единую силу, сопоставимую с постепенно объединяющимися протестантами Запада [Там же, 54–56]. Он однозначно не осудил экуменического движения, но заявил, что участие в нём православных – средство не объединения Церквей, но сдерживания развития протестантских идей. Присутствовавшие в его докладе антиэкуменические мотивы во время обсуждения экуменической проблемы, в т. ч. проекта Декларации «Обращение ко всем христианам мира» усилил другой представитель РумПЦ – архиепископ Фирмилиан, заявив: «желание Румынской делегации – внести мнение Румынской Церкви о том, что экуменическое движение отошло от первоначальных целей объединения Церквей» [Там же, 417].

Церковная жизнь Румынии в 1948 г.

1948 г., когда в Москве прошло Всеправославное совещание, для истории Румынской Церкви оказался переломным. 27 февраля скончался патриарх Никодим (Мунтяну), и новым предстоятелем 24 мая был избран Юстиниан (Марина), уже около года бывший митрополитом Молдавским. Помимо внутрицерковных изменений, 1948 г. оказался отмечен более глобальными политическими процессами в Румынии, затронувшими Церковь. Падение монархии, образование правительства П. Грозы, его противостояние национал-царанистским партиям и опасения, связан-

ные с настроениями в Трансильвании, заметно повлияли на простых верующих и крупных церковных деятелей.

Рассмотрение историко-политического контекста Румынии 1948 г. нагляднее всего начать с притеснений греко-католиков Трансильвании [подробнее см.: Cristian, 2003]. Они начались в менее жёсткой форме в 1945 г., усилились в 1948 г., продолжались до 1989 г. и были в основном обусловлены тремя мотивами:

1) Трансильвания издавна была самостоятельной и отличной от остальной Румынии территорией. Там проживало много немцев и венгров, употреблявших в быту родные языки и не принадлежавших к Православной церкви. В послевоенных условиях это ощущалось угрозой государственной целостности, в борьбе с которой правительство решило применить популярную в те времена формулу «румын – значит, православный» [Волокитина, Мурашко, Носкова, 2008, 422–423; богословское обоснование этой идеи см.: Stăniloae, 1992].

2) Большинство греко-католиков Трансильвании поддерживало исторические (национал-царанистские) партии, потенциально представляя собой опасную оппозицию. При этом Трансильвания всегда была самым зажиточным регионом Румынии, и поэтому у оппозиционеров имелось достаточно средств для действия.

3) Греко-католики Румынии управлялись из Ватикана, что пугало как правительство Румынии, видевшее в этом иностранное западное влияние, так и РумПЦ, которая опасалась соперничества на духовной ниве.

Наиболее сильный удар по греко-католикам был нанесён именно в 1948 г., когда после принятия новой Конституции правительство издало декрет о расторжении заключённого в 1927 г. конкордата Румынии и Ватикана. Это был подготовительный этап к тому, что в дальнейшем было названо «возвращением в лоно православной церкви», т.е. к официальному присоединению греко-католиков Румынии к РумПЦ. Свидетельства о том, как это происходило, и как на это реагировало православное и греко-католическое священство, оставил Д. Велику. Этот человек успел побывать личным секретарём первого патриарха Румынии Мирона, премьер-министром, сотрудником разведки, и политическим заключённым. Он был осведомлён обо всех событиях церковной жизни, получая многие сведения из первых рук. В дневниковых записях за 26 января 1948 г. он отмечал, что «главная атака на католичество последует за Всеправославным Совещанием <...> Православное священство считает, что цель этой борьбы для нас – переход румын-униатов в православие, то есть, их подчинение, с церковной точки зрения, руководителю из [нашей] страны, а не из-за границы (Папа). По этой причине священство одобряет эти действия правительства, полагая их своевременными» [Velicu, 2005, Т. II, 21–22]. Т.о., усиления репрессий против греко-католиков были непосредственно привязаны к проведению Совещания в Москве. Конечно, обусловленное серьёзными политико-экономическими интересами, присоединение униатов готовилось слишком долго и произошло бы в любом случае. Однако румынское правительство хотело удостовериться, что запланированные им меры не вызовут протестов Поместных православных церквей, и стремилось заручиться одобрением своих действий. Этот расчёт оказался верным, и резолюция относительно католичества, составленная на Всеправославном совещании, содержала положение: «В течение многих веков и до наших дней папизм кровавыми войнами и всякого рода насилиями стремился обращать православных в католичество или прямо, или через унию, например, румын в Трансильвании в 1700 г.» [Деяния, 1949, Т. II, 428].

Помимо греко-католиков, опасения правительства и РумПЦ вызывали протестанты, образовавшие экуменическое движение, т.е. выступившие единым фронтом. Об этом в докладе на Всеправославном Совещании упоминал протоиерей И. Коман, отметив, что изначально РумПЦ была одной из Поместных церквей, наиболее благосклонно принявших экуменические инициативы [См. напр.: Там же, 12, 15, 18, 59]. Однако он постоянно подчёркивал, что так было в межвоенный период, и, хотя это не было сказано напрямую, из текста его доклада можно заключить, что на период 1948 г. ситуация изменилась слишком сильно, чтобы РумПЦ продолжила идти тем же курсом без ущерба для своей целостности и независимости.

Это было тем более актуально, что от решительных мер правительства в тот год пострадали и сами православные верующие. Молодое государство выпустило ряд общих постановлений, касавшихся религиозной политики страны в целом [см.: Волокитина, Мурашко, Носкова, 2008, 431–435; Ursu, 2023, 277–294], выразив свои намерения в 27 статье Конституции, принятой 13 апреля [Constitutia, <https://www.constitutia.ro/const1948.htm>]. Эта статья, провозглашавшая свободу вероисповедания, в действительности была составлена в антирелигиозном духе. Так, содержащиеся в ней положения о запрете на общеобразовательную деятельность и государственном контроле за религиозными организациями привели к значимым последствиям:

1) Расформирование большинства богословских академий и факультетов в стране и преобразование наиболее крупных из них, таких как Бухарестский или Клуж-Напокийский, в Институты Православной Теологии [Enache, 2023, 129]. Поскольку Церковь была отделена от государства, оно не признавало дипломы продолжавших работу православных учебных учреждений и подразделений, в Церковь стремилось всё меньше молодых людей, возникли проблемы с подготовкой священнослужителей и религиозным просвещением обычных верующих.

2) Проведение национализации церковных земель в июне 1948 г. и издание в июле декрета о запрете занимать высшие церковные должности без согласования с Национальным Собранием.

3) Начало активных гонений на священнослужителей, вылившихся в массовые аресты. Так, на 20 декабря 1948 г. только в Клужской епархии был арестован 21 служитель [Ursu, 2019, 494], а в результате объявления ряда иерархов «опасными» были упразднены епархии Хуши, Констанцы, Арджеша, Карансебеша и Суцавы [Ursu, 2023, 279].

Личность и деятельность патриарха Юстиниана

По нашему мнению, неоднозначная позиция румынской делегации на Всеправославном Совещении связана со сменой церковной политики и деятельностью патриарха Юстиниана как богослова, воплощавшего в жизнь собственную политико-теологическую концепцию. Д. Велику в дневниковой записи от 28 июля писал: «[Духовенство] видит в патриархе не отца, своего друга, но доброго друга правительства» [Velicu, 2005, Т. II, 95]. Если Д. Велику прав, то изменение теологического дискурса, продемонстрированное румынской делегацией на Совещении, может объясняться давлением правительства. Для прояснения этого вопроса надо рассмотреть личность патриарха Юстиниана как предстоятеля Церкви и как богослова.

На самом раннем этапе священнического пути Юстиниан служил под началом епископа Рымницкого и Ново-Северинского В. Стэнеску, который принёс в Румынию из Западной Европы идею социального христианства и стремился реализовать её на родине. Он был неоднозначным человеком, который потратил полжизни на благотворительность, не различая христиан и иноверцев, разработал полезные для Церкви реформы, но при этом был сослан на покой в монастырь Бистрица за связь с «Железной гвардией». Современный румынский теолог К. Райу, написавший монографию о формировании и развитии взглядов В. Стэнеску [Raiu, 2013], отметил, что тот «во всех своих публичных выступлениях высказывался категорически против коммунизма и множество раз выступал непримиримым противником <...> Юстиниана Марины» [Ibid., 16]. При этом именно его идеям и деятельности обязано происхождением учение патриарха, «социальное апостолство», которое, по сути, есть радикализированное учение епископа Рымницкого и Ново-Северинского.

Патриарх Юстиниан, как и В. Стэнеску, ученик Э. Дюргейма, полагал главной задачей Церкви духовное объединение общества (не только христианского) и социальное служение. В журнале «*Renăsterea*» В. Стэнеску ёмко охарактеризовал свою программу: «Нужно создать христианский капитал. Христианский капитал освятил бы землю нашей страны, вместе с другими верованиями <...> Наша вера могла бы привести к новому крещению нашей науки, экономики, политики и культуры. Мы близки сегодня к [установлению] <...> власти убеждающей, а не принуждающей» [Cit. ex.: Ibid., 195]. В полном соответствии в этими словами на торжественном собрании 8 июля 1948 г. в Москве патриарх Юстиниан утверждал: «[Церковь]

должна стараться облегчить жизнь человека <...> Подобная работа Православной Церкви, имеющая Вселенский характер, является существенным идеальным пополнением действий и стремлений политических, социальных и экономических факторов наших стран. <...> Это – путь, ведущий к спасению души, при совместной жизни в полном согласии, мире и любви» [Деяния, 1949, Т. I, 25–26].

Идеи патриарха имели основание и в коммунистическом движении. Он полагал, что Бог направляет историю согласно определённому сценарию, где каждый новый строй лучше предыдущего. Так, социализм и коммунизм – две стадии на этом пути. Ч. Милош передаёт слова, сказанные однажды патриархом: «Христос – это новый человек. Новый человек – это советский человек. Стало быть, Христос – это советский человек» [Милош, 2003, 251]. Хотя прокоммунистический настрой патриарха Юстиниана часто называют конъюнктурой, кажется, он был искренне убеждён в том, о чём говорил. На одно из наиболее очевидных свидетельств тому уже на следующий год после смерти патриарха указал живший тогда в Румынии исследователь А. Скарф [Scarfe, 1977, 164–165]. Это – систематичность и полнота разработанной патриархом концепции, изложенной им во многих статьях, выступлениях, заметках и в его *Opus Magnum* – двенадцати томах «Социального апостольства». Первый том этой серии вышел в 1948 г., то есть в год, когда Юстиниан стал патриархом, а последний – в 1976 г., за год до смерти автора.

Именно в духе «социального апостольства» были написаны зачитанные на Всеправославном Совещании доклады протоиерея И. Комана об экуменизме и П. Винтилеску об англиканских хиротониях. Так, И. Коман подчёркивал, что практическая деятельность в рамках экуменического движения желательна, пока она направлена на «объединение всех духовных сил всего христианского мира в целях уничтожения зла» [Деяния, 1949, Т. II, 11], но как только речь заходила о догматике, это начинание оказывалось обречённым на провал [Там же, 14–20]. П. Винтилеску, рассуждая, до какой степени может и должно прийти православное общение с англиканами, ссылаясь на «Принцип Икономии» Древней Церкви, согласно которому нужно проявлять смирение, милосердие и оказывать посильную духовную помощь всем страждущим без исключения. По этой причине допустимо отпевать усопших англикан, и следует рассматривать каждый случай признания действительности англиканской хиротонии отдельно [Деяния, 1949, Т. I, 334–339].

Другой довод в пользу свободы суждений патриарха и искренности его убеждений – его действия, в первую очередь, в связи с упомянутыми выше арестами священников. Уже в декабре 1948 г. он обратился к епископам РумПЦ с просьбой перечислить всех, кто арестован в их епархиях [см.: Ursu, 2019, 493–495]. Полученные списки предстоятель подал министру культов С. Стояну с просьбой о содействии в их освобождении или, по крайней мере, материальной поддержке семей тех, кому ещё не был оглашён окончательный приговор. Этот поступок вызвал волнения в правительстве, в т.ч. слух, будто патриарх «может вмешиваться в работу органов безопасности [Securitate] и правосудия [Justiția]» [Cit. ex: Ibid., 494].

Не менее значимо было сопротивление патриарха в сфере образования, которое он считал важнейшим условием полноты церковной жизни. Так, несмотря на реформы церковного образования в стране, в 1949 г. патриарх Юстиниан развернул кампанию против вмешательства правительства в дела Церкви и, в первую очередь, в процесс религиозного обучения, которое осуществлялось государством с помощью профсоюзов [Enache, Petcu, Tudorie, Brusanowski, 2009, 67–68]. Затем в 1952 г. по благословению Юстиниана вышел обновлённый и дополненный вариант катехизиса РумПЦ, изначально составленного ещё в 1642 г. Эта книга до сих пор не потеряла своего значения и продолжает переиздаваться в XXI в.¹

Итак, ни само правительство, ни Юстиниан не считали друг друга друзьями. Исследователь Д. Урсу обнаружил в Национальных Архивах Румынии отчёт Департамента государственной безопасности за 1951 г. и доклад министра культов, написанный в декабре 1952 г., в которых выражена одна и та же мысль: до избрания Юстиниан казался правительству человеком безопасным, который не совершит того, что шло бы вразрез с государственной линией, но к моменту написания доклада было очевидно, что патриарх делал только то, что сам считал нужным, окружал себя

неблагонадёжными лицами и стремился к максимально возможному распространению веры в обществе [Ursu, 2019, 493]. Сам же патриарх сказал однажды: «как много выиграли бы коммунисты, если бы они не преследовали религию, а допустили бы её существование при коммунистическом строе» [Волокитина, Мурашко, Носкова, 2008, 93–104; Волокитина, 2018, 339–360; Монгуш 2021, 254–255]. По нашему мнению, в этой цитате кроется ключ к пониманию курса патриарха Юстиниана: он мог казаться человеком правительства, но только в силу того, что его личные убеждения отчасти совпадали с государственной идеологией.

Исходя из сказанного выше, предположим, что тональность риторики РумПЦ, продемонстрированная на Всеправославном совещании, связана не с внешним давлением, а со внутренними переменами в самой Церкви, в первую очередь, продиктованными патриархом Юстинианом. По этой же причине, например, П. Винтилеску в докладе об англиканском священстве практически открыто критиковал постановление Священного Синода от 19 марта 1936 г., утверждая, что оно «носит явно условный характер» [Деяния, 1949, Т. I, 332].

Заключение

Итак, рассмотрев исторический контекст участия Румынии во Всеправославном совещании, а также личность и учение патриарха Юстиниана, сделаем вывод: по нашему мнению, особенности участия Румынии в Совещании отражают румынские церковно-политические обстоятельства. И сами решения, принятые на Совещании, во многом совпали с намерениями правительства Румынии и РумПЦ. Высказываясь по таким вопросам, как отношение к Ватикану, возможность участия в экуменическом движении и допустимость признания англиканских хиротоний, докладчики из Румынии руководствовались исключительно интересами православных Румынии, действуя в рамках современной им церковной и государственной политики.

Отказ от участия Румынии в экуменическом движении, осуждение католичества и достаточно резкая позиция по отношению к англиканам связаны с борьбой против иноконфессионального населения страны. Призывы же авторов докладов к сотрудничеству с экуменистами по практическим вопросам и к применению принципа Икономии в отношении англикан продиктованы логикой социального апостоства. Как предстоятель Православной церкви в нелёгкий для неё период, патриарх Юстиниан стремился оградить её от иностранных влияний и от подозрений со стороны правительства. Как богослов, разработавший православно-коммунистический мировоззренческий подход, он действовал по принципу проявления максимально возможной благосклонности и оказания посильной помощи всем нуждающимся, но ровно до тех пределов, когда от верующих требовалось поступиться своей верой.

Библиографический список

1. Волокитина, Т.В. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории / Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССНЭП); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 806, [1] с., [10] л. ил., портр. – (История сталинизма).
2. Волокитина, Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943–1948 гг. / Т.В. Волокитина // Славяне и Россия. – 2018. – № 1. – С. 339–360.
3. Деяния Совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8–18 июля 1948 года. В II Т. – М: Издание Московской Патриархии, 1949.
4. Елисей (Меняйлов), иеродиакон. Всеправославное Совещание 1948 года в Москве как этап укрепления межправославных отношений России и Болгарии / иеродиакон Елисей (Меняйлов) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2017. – Вып. 3 (19). – С. 147–168.
5. Кострюков, А.А. Предпосылки участия архиепископа Серафима (Соболева) во Всеправославном Совещании 1948 года / А.А. Кострюков // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. – 2010. – Вып. II:2 (35). – С. 52–60.
6. Милош, Ч. Порабощённый разум / Ч. Милош. – СПб.: Алетейя, 2003. – 282, [3] с.

7. Монгуш, М.В. Всеправославное Совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки / М.В. Монгуш // Восточный архив. – 2021. – № 2 (44). – С. 94–102.
8. Constitutia Republicii Populare Romane 1948 [Электронный ресурс] // Constitutia Romaniei. – URL: <https://www.constitutia.ro/const1948.htm/> (дата обращения: 11.08.2024).
9. Costan, V. *Părintele Petre Vintilescu – activitatea liturgică, academică și de cercetare* / V. Costan. – Iași: Doxologia, 2020. – 546 p.
10. Cristian, V. *Istoria Bisericii Greco-Catolice sub regimul comunist. 1945–1989* / V. Cristian. – Iași: Polirom, 2003. – 209 p.
11. Doru, M. *A Critical Analysis of the Theological Positions and Ecumenical Activity of Ion Bria (1929–2002)* / M. Doru. – Craiova: Editura Mitropolia Olteniei, 2022. – 199 p.
12. Enache I. *Laicizarea învățământului religios în România comunistă (1944–1989)* / I. Enache // Student, profesor și cercetător în anii 1980–1990: drumul spre regăsire și libertate. Ediția a III-a. – Chișinău: Editura Lexon-Prim, 2023. – P. 127–134.
13. Enache, G.-E., *Biserica Ortodoxă Română în anii regimului comunist. Observații pe marginea capitolului dedicat cultelor din Raportul final al Comisiei prezidențiale pentru analiza dictaturii comuniste din România* / G.-E. Enache, A.-N. Petcu, I.-A. Tudorie, P. Brusanowski // Studii Teologice: Revista Facultăților de Teologie din Patriarhia Română. Seria a III-a. Anul V. Nr. 2. – București: Editura Institutului Biblic și de Misiune Ortodoxă, 2009. – P. 7–103.
14. *Elemente de istorie, doctrină și practică misionară: din perspectivă ecumenică* / coord. Nicolae Moșoiu. – Sibiu: Editura Universității “Lucian Blaga”, 2006. – 621 p.
15. *Învățătură de credință creștină ortodoxă* / Ed. Duțuc A. – București: Editura Institutului Biblic și de Misiune Ortodoxă, 2015. – 560 p.
16. Raiu, C. *Democrație și statolatrie: creștinismul social la Bartolomeu Stănescu, episcopul Râmnicului Noului Severin (1875–1954)* / C. Raiu. – București: Editura Universității din București, 2013. – 395 p.
17. Scarfe, A. *Patriarch Justinian of Romania: His Early Social Thought* / A. Scarfe // *Religion in Communist Lands*. – 1977. – Vol. 5. – No 3. – P. 164–169.
18. Stăniloae, D. *Ortodoxie și românism* / D. Stăniloae. – Mănăstirea Putna, 1992. – 278 p.
19. Ursu, D. *Ortodoxia și comunismul. Memoria unei istorii traumatice Biserica și Statul: perspective diacronice asupra unei relații polivalente* / D. Ursu, editori: Răzvan Brudiu Mihail, K. Qaramah. – Iași: Doxologia, 2023. – P. 277–294.
20. Ursu, D. *Patriarhul Justinian (1948-1977) și reintegrarea socioprofesională a clericilor, foști deținuți politici. Strategii, compromisuri și adaptări* / D. Ursu // *Terra Sebus. Acta Musei Sabesien-sis*. – 2019. – No. 11. – P. 487–505.
21. Velicu, D. *Biserica Ortodoxă în anii regimului comunist: însemnări zilnice* / D. Velicu. În II T. – București: Arhivele naționale ale României, 2004–2005.

Текст поступил в редакцию 18.02.2025.

Принят к печати 17.03.2025.

Опубликован 30.09.2025.

¹ После 1952 г. катехизис переиздавался в Бухаресте в 1992, 2000 и 2008 гг., в Клуже в 1993 и в Яссах в 1996 и 2006. Последнее издание осуществлено по благословению патриарха Даниила в 2016 г. [Învățătură de credință creștină ortodoxă. București: Editura Institutului Biblic și de Misiune Ortodoxă, 2015].

References

1. *Constitution of the Romanian People's Republic 1948* [Constitutia Republicii Populare Romane 1948]. Available at: <https://www.constitutia.ro/const1948.htm> (accessed on August 11, 2024) (in Latin).
2. Costan V. *Father Petre Vintilescu – Liturgical, Academic and Research Activity* [Părintele Petre Vintilescu – activitatea liturgică, academică și de cercetare]. Iași: Doxologia, 2020, 546 p. (In Romanian).
3. Cristian V. *History of the Greek Catholic Church under the Communist Regime. 1945–1989* [Istoria Bisericii Greco-Catolice sub regimul comunist. 1945–1989]. Iași: Polirom, 2003, 209 p. (In Romanian).
4. *Deyaniya Soveshchaniya glav i predstavitelej avtokefal'nyh Pravoslavnyh Cerkvej v svyazi s prazdnovaniem 500-letiya avtokefalii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 8–18 iyulya 1948 goda* [Acts of the Meeting of the Chapters and Representatives of Autocephalous Orthodox Churches in Connection with the Celebration of the 500th Anniversary of Autocephaly of the Russian Orthodox Church July 8–18]. In 2 vols. Moscow: Izdanie Moskovskoj Patriarii, 1949.
5. Doru M. *A Critical Analysis of the Theological Positions and Ecumenical Activity of Ion Bria (1929–2002)*. Craiova: Editura Mitropolia Olteniei, 2022, 199 p.
6. *Elements of Missionary History, Doctrine and Practice: from an Ecumenical Perspective* [Elemente de istorie, doctrină și practică misionară: din perspectivă ecumenică]. Sibiu: Editura Universității “Lucian Blaga”, 2006, 621 p. (In Romanian).

7. Elisej (Menyajlov), hierodiacon. *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary]. 2017, issue 3 (19), pp. 147–168 (in Russian).
8. Enache G.-E., Petcu A.-N., Tudorie I.-A., Brusanowski P. *Theological Studies: Journal of Theological Faculties of the Romanian Patriarchate* [Studii Teologice: Revista Facultăților de Teologie din Patriarhia Română]. Seria a III-a, anul V. nr. 2. București: Editura Institutului Biblic și de Misiune Ortodoxă, 2009, pp. 7–103 (In Romanian).
9. Enache I. *Student, Teacher and Researcher in the 1980s-1990s: The Road to Retrieval and Freedom* [Student, profesor și cercetător în anii 1980-1990: drumul spre regăsire și libertate]. Chișinău: Editura Lexon-Prim, 2023, pp. 127–134 (In Romanian).
10. Kostyukov A.A. *Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Bulletin of the PSU II: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2010, issue II:2 (35), pp. 52–60 (in Russian).
11. Milosz Cz. *Poraboshchennyj razum* [The Enslaved Mind]. St. Petersburg: Aleteyja, 2003, 282, [3] p. (In Russian).
12. Mongush M. V. *Vostochnyj arhiv* [Oriental Archive]. 2021, no. 2 (44), pp. 94–102 (in Russian).
13. Raiu C. *Democracy and Statolatry: Social Christianity by Bartholomeu Stănescu, Bishop of Râmnic Noul Severin (1875–1954)* [Democrație și statolatric: creștinismul social la Bartolomeu Stănescu, episcopul Râmnicului Noului Severin (1875–1954)]. București: Editura Universității din București, 2013, 395 p. (In Romanian).
14. Scarfe A. Patriarch Justinian of Romania: His Early Social Thought. *Religion in Communist Lands*. 1977, vol. 5, no 3, pp. 164–169.
15. Stăniloae D. *Orthodoxy and Romanism* [Ortodoxie și românism]. Mănăstirea Putna, 1992, 278 p. (In Romanian).
16. *Teaching of the Orthodox Christian Faith* [Învățătură de credință creștină ortodoxă]. București: Editura Institutului Biblic și de Misiune Ortodoxă, 2015, 560 p. (In Romanian).
17. Ursu D. *Church and State: Diachronic Perspectives on a Polyvalent Relationship* [Biserica și Statul: perspective diacronice asupra unei relații polivalente]. Iași: Doxologia, 2023, pp. 277–294 (In Romanian).
18. Ursu D. *Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis*, 2019, no. 11, 2019, pp. 487–505 (In Romanian).
19. Velicu D. *The Orthodox Church in the Years of the Communist Regime: Daily Notes* [Biserica Ortodoxă în anii regimului comunist: însemnări zilnice]. În II T. București: Arhivele naționale ale României, 2004–2005 (in Romanian).
20. Volokitina T.V. *Slavyane i Rossiya* [Slavs and Russia]. 2018, no. 1, pp. 339–360 (in Russian).
21. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F. *Moskva i Vostochnaya Evropa. Vlast' i cerkov' v period obshchestvennykh transformacij 40–50-h godov XX veka: Ocherki istorii* [Moscow and Eastern Europe. The Power and the Church in the Period of Society's Transformations in the 1940s and 1950s]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSNEP); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2008, 806 p. (In Russian).

Submitted for publication: February 18, 2025.

Accepted for publication: March 17, 2025.

Published: September 30, 2025.